

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

На нашем звездном небосклоне есть те, про которых известно все — даже то, чего с ними на самом деле никогда не случилось. Есть те, кто выдает информацию о себе с таким одолжением, словно одаривают тебя по крайней мере золотым слитком. А совсем редкая порода людей — те, кто вообще ничего и никогда про себя не рассказывает, вежливо отказываясь от всех интервью. Вот их слова — на самом деле — на вес золота, уже настоящего, благородного металла. Как и его знаменитый отец, режиссер Павел Чухрай, ни от кого не скрываясь, тем не менее всегда держится в тени. Он всегда занимается только тем, что ему интересно. Он известен всем и не известен никому...

ОТЕЦ "ВОРА"

— Павел Григорьевич, вы начинали свою карьеру как актер...

— Нет, с той стороны камеры я никогда не стоял.

— Как же, у меня все ходы записаны: вы играли в фильме "Здравствуйте, дети!" в 1962 году.

— Ну совсем мальчишкой! Марк Донской снимал картину о детях, и просто потому, что мы были с ним знакомы, я возникал где-то в эпизодах. Но нельзя сказать, что я там делал что-то серьезное.

— Хорошо, оставим актерство. Оператор, режиссер, сценарист — и без того достаточно широкое поле деятельности. Какое же из занятий для вас определяющее?

— Конечно, режиссура. Хотя комфортнее всего я себя чувствую за письменным столом, когда работаю над сценарием. Тогда я не завишу от огромного количества людей, с которыми должен найти общий язык, которых надо убедить в том, что ты предлагаешь правильно, а то, что им кажется правильным, — не совсем так. Режиссерская профессия — ужасная на самом деле, она на износ. Когда говорят, что она кровавая, я могу это подтвердить, потому что знаю: у режиссера затрата нервов, здоровья и сердца раз в пятьсот больше, чем у оператора или сценариста. Особенно в нашей стране.

— Чем же отличается наша режиссура от, скажем, голливудской?

— Организацией. Тратишь массу времени на вещи, не имеющие прямого отношения к твоей профессии. Например, ты должен снимать 12 часов в день. Но если снимаешь полтора часа — уже слава богу. Потому что не пришел автобус, не принесли одно, забыли другое, и надо придумать, как обойтись без всего этого, нужные люди уехали и придут только через месяц... — и так далее, и тому подобное. Каждый день разрешаешь стрессовые ситуации, которые кроме того, что сокращают время работы, ломают твой замысел. Все это "вышибает", а ты должен быть в хорошем состоянии, чтобы и актера подзарядить энергией. А у тебя самого нет не то что энергии — просто сил...

— А почему вы начинали как оператор?

— Я рисовал. Вот. (По стенам комнаты висят абстрактные картины. — Д.Г.) Меня всегда интересовала изобразительная сторона. А главное, я пошел в институт после школы и, видя работу отца, понимал, что в режиссуру надо идти человеком более или менее сложившимся. И я решил, что операторский труд мне не помешает. До этого я работал осветителем, звуковиком, механиком оператора — много киношных профессий прошел. Так что подумал: стану оператором, а потом посмотрю, если повезет, если почувствую, что появилось то, о чем можно говорить, — значит, буду режиссером.

— Насколько серьезно отец помогал вам в личном или творческом плане?

— В это трудно поверить, но он никогда не вмешивался в мою жизнь, вообще никогда. У нас очень хорошие и близкие отношения, но, как бы сказать, уважительные друг к другу. Я только по молодости мог влезать в его дела, критиковать его картины, если мне что-то в них не нравилось. Он себе такого не позволял. Если я не спрашивал — он никогда не лез с советами. Я присутствовал на съемочной площадке у многих режиссеров — у Донского, у Наумова с Аловым, у Басова, у Параджанова, — но к отцу пришел всего один раз в жизни: на "Балладу о солдате", совсем мальчишкой. И больше никогда — ни я у него не был, ни он у меня. Я мог отца так же, как и своих друзей, пригласить посмотреть материал и спросить его мнение, но не болелз того.

— Вы никогда не наблюдали каких-нибудь подспудных параллелей между своими фильмами и картинами отца?

— Не наблюдал. Хотя, наверное, их можно найти. Как ни странно, когда я закончил картину "Вор", сценарий которой отцу не очень нравился, понял, что в каком-то смысле она продолжает фильм "Баллада о солдате". Можно себе представить, что девушка из "Баллады о солдате" — это женщина с ребенком из моей картины. В "Балладе о солдате" главный герой погиб, как отец моего мальчика...

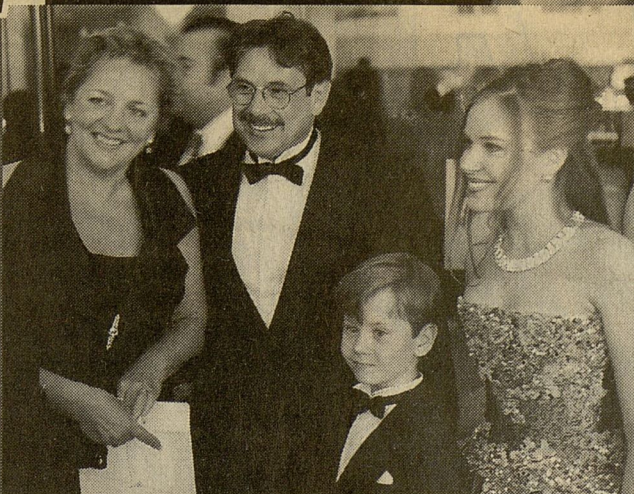
— Почему вы никогда не снимали свою бывшую жену — актрису Алену Чухрай?

— Я вообще к этому всегда относился очень щепетильно. Есть разные режиссеры. Например, Марк Захаров может снимать одних и тех же замечательных актеров — как свою труппу. У него есть любимые актеры, и он их снимает в кино. А для меня

Павел Чухрай:
"Режиссер — профессия кровавая"

"Ника" вместо "Оскара".

Из досье "МК": Павел Чухрай, режиссер, сын режиссера Григория Чухрая, родился 14 октября 1946 года. В 69-м окончил операторский факультет ВГИКа. Затем — экстерном — режиссерский факультет ВГИКа, мастерскую Игоря Таланкина. Как режиссер и сценарист дебютировал в картине "Вольному воля" (1974). Среди других фильмов: "Ты иногда вспоминай" (1977), "Зина-Зинуля" (1986), "Запомните меня такой" (1987), "Вор" (1997) — он номинировался на премии "Оскар", "Золотой Глобус", "Феликс", получил три приза Международного кинофестиваля в Венеции и ряд других наград. В 2000 году Павел Чухрай снял документальный фильм о холокосте "Дети из бездны" в рамках проекта Стивена Спилберга.

В двух шагах от "Оскара" с женой и "воровской" командой: Катей Редниковой и Мишей Филипчуком.

СЫН "СОЛДАТА"

важно, чтобы актер подходил к замыслу, к образу героя, ведь подобная работа очень сложна: идеальных совпадений не бывает. Можно поломать человека, и он сделает все что ты хочешь, но это будет ему не свойственно и выйдет совершенно неорганично.

— У вас нет любимых актеров?

— Есть, конечно, и их очень много. Но это не значит, что я буду снимать их в любом случае. Каждый раз я работаю над конкретной историей, которая требует конкретных людей.

— Ваша дочь Настя замужем за Антоном Табаковым. Вы не боялись отдавать дочь в столь юном возрасте (17 лет) в руки такого известного ловеласа, как Табаков, вы знали, что для него брак с Настей — уже четвертый?

— Нет, беспокойства не возникало, потому что я был знаком с Антоном, знал его семью, да и вообще — он рос у меня на глазах. Понимал, как сложилось, что мои родители не вмешивались в мою жизнь. У них могли быть самые разные мнения о том, на ком я женюсь, но они никогда не пытались давить на меня или отговаривать. И в общем я считаю это правильным, поэтому и сам поступаю так же.

— То есть вы предпочитаете не вмешиваться, даже если дети совершают ошибки?

— Если бы речь шла о какой-то видимой, вопиющей ошибке, то я бы, наверное, сказал. Я считаю, что если ты воспитываешь дочь или сына до семнадцати-восемнадцати лет, то в дальнейшем изменить ее или его жизнь можешь в очень малой степени, даже если тебе что-то кажется неправильным. Но в данном случае поступок Насти не вызвал у меня никакого беспокойства. Хотя существовали тревоги по поводу того, что разница в возрасте когда-нибудь вылезет и может помешать им в дальнейшем. Я могу это предположить, зная, что в сегодняшней нашей жизни очень мало людей остается в одном браке. Обязательно хотя бы раз люди разводятся, к сожалению.

— У вас две дочери...

— Да, Настя, младшая, и старшая Даша, которая занимается компьютерным дизайном.

— Вам никогда не хотелось иметь сына — продолжателя идей?

— Знаете, тут какая штука... Наверное, иметь сына было бы совсем неплохо, но, когда рождается конкретный ребенок, у тебя даже мозги не позволяют фантазировать, что мог родиться кто-то другой. Какой ребенок есть — таким ты его и любишь. Думать, что он мог родиться другим, — предательство.

— Настя никогда не хотела стать актрисой?

— Каждый подросток мечтает о славе, и самый быстрый путь к ней — кино и телевидение. Но Настя

"Вор" Владимир Машков — русский сюрприз для Милы Йовович.

видела, как я к этому отношусь, и понимала, что актер — профессия, в которой по блату ничего не сделаешь. Можно создать какой-то легкий трамплин, но не более того. Если тебя родители толкают без голоса в певичку... Мы знаем такие случаи. И они даже могут быть более-менее успешными, но, мне кажется, ощущение, что ты занимаешь не свое место, ломает человека. Во всяком случае, у Насти отсутствовали серьезные причины идти наперекор, а у нас не возникало серьезного желания поддерживать ее в стремлении стать актрисой. Потому что я знаю: эта профессия — очень тяжелая, особенно для женщин.

— Так же, как и профессия режиссера?..

— Нет, совсем по-другому. Она сильно унижает человека. Он все время на экзамене. Хороший актер, плохой — его приглашают на пробы, потом говорят: "Не подошел". Часто морочат людям голову. И это всегда травма для актера: ведь он лишен активной позиции, он должен ждать, как женщина, когда его выберут. И даже у самых удачливых актеров, про которых мы говорим: "Вот звезды!" — ожидание, случается, тянется годами. Слышишь, что люди спиваются, оттого что не могут реализовать себя. Актер чувствует, что у него уходят лучшие годы,

а его почему-то не снимают... Все это очень тяжело для души человеческой.

— Ваша нынешняя жена Мария, насколько я знаю, — не актриса, а сценарист. Она когда-нибудь писала сценарии для ваших проектов?

— Мы иногда делаем что-то вместе, но очень редко, потому что сильно ссоримся. Хотя в процессе любой моей работы я с ней часто советуясь.

— Получается, почти вся семья так или иначе связана с кино. Вы не устаете: кино на работе, кино дома?..

— Кино — такая интересная штука, зачем от него отдыхать? Это же на самом деле игра: взрослые люди просто продлевают себе детство. Другое дело: режиссер ли, сценарист, актер — мы все равно не должны терять контакт с окружающим миром. Как только теряешь — все. Если вы меня сегодня спросите, сколько стоит билет в метро, а я не отвечу, — уже звоночек. Я пытаюсь себя контролировать, но с годами это делать все сложнее. Я, например, знаю очень мало режиссеров, которые в преклонном возрасте снимают хорошие фильмы. И в первую очередь — оттого что они теряют пульс жизни.

— В воскресенье вам исполняется 55 лет. Как вы вообще относитесь к круглым датам?

— Да никак не отношусь. Просто жалко, что время идет, а сделать успеваешь немного, — вот и все. И не хочется быть старым, приближаться к этому моменту.

— А вы считаете себя старым?

— Ну, 55 лет все-таки... И хотя я себя старым не считаю, но объективно — это так. Помню, когда мне и 35 лет казались старостью, а 40 — просто сумасшествием.

— Павел Григорьевич, вы говорили, что писали с женой совместный сценарий. Расскажите подробнее.

— Да, его собирается запускать фирма известного режиссера Питера Хоффмана "Seven Arts". В главных ролях должны сниматься Мила Йовович и Владимир Машков. Но что будет и когда — посмотрим. А пока я собираюсь запускать другую картину с моим собственным сценарием, которому уже несколько лет. И называется он "Водитель для Веры" — 60-е годы, мелодрама.

— Среди ваших последних лент — документальный фильм о Холокосте в рамках планетарного проекта Стивена Спилберга. Почему он пригласил именно вас?

— Я толком не знаю и не задавал таких вопросов ни Спилбергу, ни его продюсерам. Думаю, это произошло потому, что за последние несколько лет — я говорю не хвастаясь — единственная картина, которая стала известна в Соединенных Штатах, — "Вор". А прежде мы со Спилбергом не были знакомы. Я получил от него письмо с предложением, и мы стали общаться. Вообще я не могу относиться к этой работе как к фильму. Это, конечно, акция. Этического, морального, политического плана. Я широко использовал документальные видеоматериалы, которые собирал фонд Спилберга.

— Вашу свободу как режиссера не ограничивали?

— Да нет. Если бы мне эти материалы не понравились, я бы не воспользовался ими — здесь у меня руки были развязаны. Но, когда я с ними познакомился, понял, что ничего сильнее того, что мне предложили, не увижу.

— Они произвели на вас такое сильное впечатление?

— Для меня оказалось неожиданным и самым страшным то, что немцы практически не занимались акциями уничтожения на нашей территории. Все делали мы сами — полиция, люди, которые сотрудничали с нацистами. Меня поразило огромное количество людей, которые убивали соседей. А до этого — нормально общались, одалживали друг другу хлеб, водку, дети ходили в одну школу...

В нашей стране всегда говорили, что в войне погибло столько-то миллионов российских граждан. И в ненационализированном обществе, я считаю, такая позиция самая правильная, потому что мертвые делят по национальности просто ужасно. Но если я знаю, что после войны Сталин выселил целый народ как пособников нацистов, и погибли ни в чем не виноватые дети и женщины... Если памятники не ставили, Бабий Яр зарывали, если депутаты парламента говорят, что массовых убийств евреев не было, что их придумали они сами, — это такой страшный грех человеческий! В такой ситуации, я считаю, наш фильм необходим как документ, как свидетельство.

Если общество позволяет своим депутатам не вставать в память о жертвах Холокоста, в память о погибших в Соединенных Штатах шести тысячах ни в чем не повинных людей, если общество рассматривает их как серьезных политиков, это говорит только о его моральном состоянии — больше ни о чем.

— Фильм о Холокосте помог вам в плане каких-то дополнительных знакомств в Голливуде?

— Нет, никакой практической помощи он не принес. У меня существуют там определенные связи — я не буду говорить, что они очень обширные, но они есть. Прежний круг людей, с которыми я общался, таким и остался. А вот знакомство со Спилбергом для меня очень важно, потому что он очень располагающий к себе человек. Вы с ним общаетесь и понимаете, что это не циник, а художник, у которого есть свои принципы и который умеет правильно общаться с людьми. Ни слава, ни миллионы не вскружили ему голову. Он ведет себя как нормальный человек со всеми — от осветителя до коллеги-режиссера. Это очень важно.

— Спилберг смотрел "Вора"?

— Естественно. Ведь он член "оскаровской" академии.

— Кстати, об "Оскаре". "Вор" номинировали спустя пару лет после памятного триумфа "Утомленных солнцем". Тогда большинство наблюдателей сходились на том, что снаряд в одну воронку два раза не попадает, и "Вор" "Оскара" не получит ни при каких условиях. Не обидно было заранее знать о фактическом фиаско?

— Не обидно проиграть голландской картине "Характер". Вот если бы другим конкурентам — тогда обидно. Ведь всегда уровень картин, которые номинируются на "Оскар" в один год или в другой, очень неравномерен. Часто бывает, несколько лет подряд идут фильмы низкого качества, и тут ничего не сделаешь: чем располагают, то и представляют. Но в данном случае речь идет о заслуженной победе "Характера". У меня не возникло никакого неприятного осадка. Хотя, конечно, хотелось выиграть.

Дмитрий ГУСЕВ.

Чухрай Павел (режиссер)

13.10.02